

Юрий Кублановский: «Оказался в нужном месте в час «оттепели»

Не стало легендарного поэта-шестидесятника, в творчестве которого так удивительно переплетались лирика и гражданственность.

Евтушенко был баловнем судьбы, познавшим раннюю славу еще на самой заре «оттепели». А потом на протяжении многих десятилетий он личной судьбой подтверждал свою же крылатую строчку: «Поэт в России — больше, чем поэт».

Меня особенно трогают ранние вещи Евтушенко — «Я груши грыз, шатался, вольничал...». Или вот — «Окно выходит в белые деревья...» — стихотворение написано в 1955 году, еще до XX съезда партии, до начала «оттепели». Это настоящий шедевр. Помню, читал в своем родном Рыбинске, в 14 лет, и глаза у меня были на мокром месте.

Евтушенко со своим талантом, искренностью и харизмой оказался в нужном месте в нужный час. «Оттепель» ждала героев, в том числе из литературного цеха. Евтушенко благодаря самобытному дарованию, незаурядной энергетике стал голосом оттепели. С одной стороны, поэт писал о злободневном, а с другой — оставался, так сказать, верным ленинцем, поклонником революции и Фиделя Кастро. Идеологически как бы являл собой социализм с человеческим лицом. И власти это ценили. Он сделался культурным товаром на экспорт: свободолюбец и одновременно советский социалист. Это на Западе устраивало многих. Евтушенко приветствовали коммунисты Европы... Раскрытке извне соответствовал и сам поэт. В ту дремучую пору еще никто не знал, что такое самопиар. А Евгений Александрович оказался у нас первооткрывателем и мастером этого дела.

Мы были лично знакомы. Как-то в 1978 году по совету Беллы Ахмадулиной я приехал к Евтушенко в Переделкино с любопытной и комичной просьбой. Там строилась большая вилла. В ту пору это было в диковинку — повсеместно «дворцов» еще не возводили. Подумалось: вот бы наняться сторожем на стройку! Ведь после письма в поддержку Солженицына я уже не имел возможности работать искусствоведом. И оказалось, что виллу сооружает вдова художника Фернана Леже — Надежда, которая дружила с Евтушенко. Придя к нему в гости и немного стесняясь, за рюмкой водки я изложил свою просьбу. На что Евгений сразу отрезал: «Надя возьмет только члена Компартии». И это сторожем! Вот такие были времена...

Впоследствии мы не раз пересекались. Особенно запомнилась поездка в начале 2000-х по Сибири. В ней участвовали несколько американских поэтов, был из Петербурга Александр Кушнер — нас собралась целая группа во главе с Евгением. Мы побывали в городе его детства — на станции Зима. Общались очень тепло.

Каждый найдет в поэзии Евтушенко что-то свое. Для меня он — автор замечательной строфы:

*А любил я Россию
всею кровью, хребтом —
ее реки в разливе
и когда подо льдом,*

— чудесные строки, над которыми плакала моя мама. Они действительно шедевральны. А дальше идет:

*...дух ее пятистенков,
дух ее сосняков,
ее Пушкина, Стеньку
и ее стариков.*

Характерный штришок: Евтушенко любил Стеньку Разина. И тут он «подавал руку» Василию Шукшину, который, как мы знаем, собирался снимать фильм об этом разбойнике. Видимо, Разин в глазах шестидесятников олицетворял свободу. «Я пришел дать вам волю» — так назывался неосуществленный фильм Шукшина.

Так что у певцов «оттепели» в голове была своеобразная «идеологическая каша». Но зато у Евтушенко можно набрать книгу хорошей лирики, куда я отношу стихи: «Любимая, спи», «Долгие крики» и многое другое.

Еще одна грань его таланта — склонность к гражданской теме. Вспоминаю следующий эпизод. 19 января 1982 года ко мне нагрянули с обыском, после того как в Америке вышел мой сборник, составленный Иосифом Бродским. В двухкомнатной квартирке мы ютились вшестером с грудным ребенком, и следователь, который «командовал парадом», вошел ко мне со строчкой из Евтушенко: «Ну, что ж, Юрий Михайлович, просыпайтесь, вы же знаете, что поэт в России больше, чем поэт». Это впрямь эмблематичная строка. И сам Евгений Александрович ей вполне соответствовал.

Литературную стратегию Евтушенко отчасти перенял у Владимира Маяковского. Для него, Андрея Вознесенского, Роберта Рождественского Маяковский был кумиром. Они очень высоко ценили его поэзию и гражданскую позицию. Шестидесятники сами были антисталинцы, но убежденные ленинисты. И это очень помогало их безбедному существованию при советской власти.

По понятным причинам шестидесятников окрестили «стадионными поэтами», а Ахматова называла их «эстрадниками». Другим поколениям повторить подобный массовый успех не удалось. В последующие десятилетия публицистическая поэзия уже потеряла свою жгучую актуальность. Это было одномоментное явление. Тогда от поэтов «оттепели» веяли сквознячки свободы. И читатели жадно — ртом, «жабрами» — ловили новый воздух. Я и сам в 15 лет бежал из Рыбинска, купил билет в «Лужники» — на концерт Вознесенского и еще нескольких поэтов-шестидесятников.

Но помню и такой эпизод, как Евтушенко выступал с Иосифом Бродским — в Большой Коммунистической аудитории МГУ. Бродский впервые приехал в Москву после ссылки, и Евтушенко лично пригласил его на совместный концерт. Это был поразительный контраст. Насколько горячо зал приветствовал Евтушенко — и насколько с холодной, вялыми хлопками встречал стихи Бродского, которые на самом деле значительнее, чем стихи Евтушенко. Это уже была поэзия, не рассчитанная на массовую аудиторию... Помню, шла съемка этого вечера. И когда читал Бродский, погасли софиты, и нам показалось, будто зал погрузился во тьму. А потом каждый из поэтов пошел своей дорогой и оставил заметнейший след в отечественной словесности.

Последнюю четверть века Евгений Евтушенко в основном жил в США, где читал лекции о русской литературе. Он всегда горячо интересовался политикой и был убежденным сторонником нашей дружбы с Америкой.

Мир его праху!..

Фото на анонсе: Валентин Мастюков и Владимир Савостьянов/Фотохроника ТАСС

[Источник](#)